

Р Ъ Ч Ъ,

Говоренная при погребеніи (*) Кандидата
ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковского
Университета Стелана Алексѣе-
вича Гринсва.

Исполняя послѣдній — печальный долгъ
братству и приязни, имѣю случай бесѣ-
довать съ вами, Пп. Сс.!

Но — когда сердце исполнено ра-
дости, тогда тысячи вдругъ являющся
предмѣтовъ къ бесѣдѣ и языкъ выражает-
ся велерѣчиво: когда же горестъ тяго-
титъ сердце; то нѣтъ ничего труднѣе,
какъ найти предмѣтъ слова. Смущен-
ныя мысли приходятъ и, исчезаютъ мгно-

(*) Сія печальная церемонія совершена 16 Октября.
Нѣсколько членовъ Университета и всѣ студен-
ты сопровождали гробъ до кладбища; тамъ опу-
стили въ землю соотрудника своего. Ему опъ ро-
ду было только еще 22 года; онъ имѣлъ доста-
токъ, былъ единственный сынъ у престарѣлой
матери, — и смертію своею пресѣкъ всѣ для
нея радости въ жизни. Тѣмъ болѣе сразило ее
нечасіе, что она ѣхала съ нимъ увидѣться, —
и не застала даже печальной церемоніи погребенія
сына своего.

венно, — умъ затрудняется въ выборѣ ихъ и остается въ бездѣйствіи, — языкъ ищетъ словъ къ выраженію смущенныхъ мыслей и не находитъ. Таково теперь мое положеніе!

Вотъ бранный остатокъ нашего товарища за нѣсколько дней дѣлившаго съ нами жизнь, — и во цвѣтѣ лѣтъ, среди надеждъ къ счастью оставившаго свѣтъ сей! Кто не пожалѣетъ молодости, посреди довольства едва развернувшейся и увядающей? Но къ чему послужить наше сожалѣніе? Воскреситъ ли оно умершаго? Вотъ человекъ, котораго жизнь составляла радость и счастье для родныхъ и друзей и который смертію своею разрушилъ всѣ ихъ надежды! Изчисленіе достоинствъ его теперь было бы не лишно; но изчисленіе достоинствъ не увеличитъ ли цѣну потери, для родныхъ и безъ того уже несносной? — Да и похвалы нужны имъ только, кто пользуется жизнью; а за симъ предѣломъ — за гробомъ они во все бесполезны. Вотъ разительный примѣръ нашей бренности, ясное доказательство нашего предназначенія — *отъ*

земли быть взятымъ и обратиться опять въ землю! Кто храднокровно представитъ сіе въ умѣ своемъ? И какое ощущеніе должно произвести въ сердцѣ сіе представленіе; приятное или неприятное? Это кажется заслуживаетъ больше всего наше вниманіе. Не надѣюсь сказать что нибудь для васъ новое о семъ предметѣ или въ необыкновенныхъ выраженіяхъ; и самое повтореніе мыслей не посмѣю обратиться къ Вамъ Пп, Сс., кои можете быть больше ихъ чувствуете, нежели я: но исполню только, какъ сказалъ, симъ послѣдній долгъ къ нашему любезному собрату.

Рѣдкій день проходитъ безъ того, что бы мы не слышали гласа смерти, — что бы не были зрителями жертвъ ея пораженныхъ; и между тѣмъ — странно! никакъ не можемъ примириться съ мыслію о смерти! — Часто намъ случается провожать кого-нибудь отходящаго отселѣ въ вѣчность; и что же? смутно только представляются намъ вопросы: куда онъ отходитъ? что значить смерть его? что будетъ съ нимъ послѣ сего?

Опускаемъ въ землю предмѣтъ родившій въ насъ сіи вопросы, — и мало по малу забываемъ его — себя, начинаемъ жить — какъ прежде жили. Приходитъ намъ чреда, — и тоже дѣлають послѣ насъ остающіеся! Но рассмотримъ внимательнѣе и справедливѣе: такая безчувственность можетъ ли быть отличительною чертою человѣка предъ прочими тварями, — человѣка существа, для котораго по бытописаніямъ вся вселенная нами видимая воззвана изъ ничтожества, который удостоенъ носить на себѣ образъ и подобіе Всесоздавшего? — Не тоже ли дѣлають всѣ бесловесныя животныя? — Итакъ чувство проникающее за предѣлы жизни, чувство безсмертія составляетъ всё наше отличительное достоинство.

Мы любимъ жизнь; — и кто противурѣчитъ тому, что она имѣетъ для насъ много приятностей, много блаженства привлекающаго — очаровывающаго нашу чувственность? Мы любимъ жизнь, — но сія любовь не даетъ кажется, или не должна подавать ни малѣйшаго повода думать, будто въ сей жизни только иза-

ключается всё наше блаженство: ибо во-первыхъ и она сама не состоить въ нашей волѣ; и потомъ, всякой видѣль и испыталь, — что бѣдность часто бываетъ удѣломъ цѣлой жизни, что избѣжавъ бѣдности пострадешь отъ приѣсненія сильнаго, что и сильныхъ сильнѣе болѣзнь что кто самъ наслаждается всегда здоровьемъ — тотъ не можетъ удалить болѣзни отъ всѣхъ имъ любимыхъ, что хотя бы болѣзнь была и для всѣхъ избѣжима — то неизбежна смерть. Ипакъ самая любовь сѣя къ жизни должна руководить мысль къ безсмертію: кто наслаждается блаженствомъ, тотъ чувствуетъ непреоборимое желаніе — продолжить навсегда сѣе блаженство. И точно — смерть не есть прекращеніе, уничтоженіе, — а только переходъ изъ одной половины жизни въ другую, какъ увѣряютъ насъ мудрые! —

Когда же безсмертіе составляетъ всё наше достоинство, и чувство о немъ не должно быть чуждо сердцу нашему; то тѣмъ менѣе примѣры нашей бренности должны производить въ насъ непріятныя

существованія. Мнѣ кажется: кто прово-
жаетъ переселяющагося изъ свѣта въ
другой, тотъ живо представляетъ въ
умѣ своемъ — что и онъ нѣкогда непре-
мѣнно долженъ будетъ опуститься въ
землю; по чему ниодно неприятное вне-
печтлѣнне не тревожитъ его, — онъ узналъ,
какъ только сталъ знать себя, что уме-
реть необходимо и безпрестанно зна-
комился съ сею мыслию. Мнѣ кажется
что и того, кто видѣлъ только блага на
землѣ а не наслаждался ими, — какое-
то внутреннее чувство убѣждало: ны
чрезъ смерть получишь блаженство, въ
коемъ тебѣ здѣсь отказано было. Мнѣ ка-
жется притѣсняемый и гонимый, кому не
только не воздавали должнаго, но и
всего лишали, — кому несчастія были
неотъемлемыми спутниками, — мнѣ ка-
жется и отъ такого человѣка надежда, по-
казуя за предѣломъ жизни блаженный свѣтъ,
удаляла всегда отчаяннѣе и онъ шелъ, онъ
спѣшилъ къ смерти — какъ къ цѣли пути
своего. Мнѣ кажется и для щастливца на
землѣ, — коего жизнь стекались улаждать
всѣ удовольствія, чести окружали, удачи

во всемъ всегда составляли его дѣятельность, — мнѣ кажется и для такого человѣка блаженство увеличивалось мыслію: съ жизнію своею оно не кончится; часть одна существа своего переселится совѣмъ своимъ счастьемъ въ другую некончаемую жизнь; — и онъ смотрѣлъ весело на гробы, какъ на знаки своего безсмертія. Таково должно быть ощущеніе при воззрѣніи на примѣры нашей бренности! —

Но всякой кажется чувствуетъ, что картина ощущеній мною представленныхъ есть чистый идеаль — и спросить необходимо: такъ, это должно быть — конечно; но бываетъ ли это всегда? — Я долженъ признаться, что или никогда или очень рѣдко; что обыкновенное возклинаніе при воззреніи на смерть намъ подобныхъ есть: о смерть! какъ горько мнѣ вспоминать тебя!! — Отъ чегожь такое въ насъ разногласіе между тѣмъ, что быть должно — и тѣмъ, что случается? — Отъ различія нравственныхъ нашихъ поступковъ! Кто измѣняетъ цѣль нашего существованія — цѣль назначенную намъ Творцемъ блаженствовать

вездѣ и всегда? Порочная жизнь! — Не можѣло опровергать мнѣнія лжеумствователей, уничтожающихъ различіе добра и зла, различіе наградъ и наказаній; объ этомъ столько писано, столько говорено, — что въ справедливости этого не согласится одно только упорство человѣческое. Такъ, одно упорство! Бываль ли человѣкъ на свѣстѣ, который бы всегда страдалъ и хоть на одну минуту не имѣлъ радостей? Бываль ли другой, который бы всегда блаженствовалъ и также не чувствовалъ ни малѣйшаго огорченія? — Слѣдовательно различіе добра и зла всякой позналъ опытомъ. Когдажъ есть между ними различіе; то есть различіе между наградами и наказаніями. И вотъ откуда произтекаетъ неприятное чувство при воззрѣніи на умирающихъ сочеловѣкъ нашихъ: порочный человѣкъ всегда имѣетъ какія нибудь добродѣтели; вѣчная Правда никогда никакой добродѣтели не оставляетъ безъ наградъ, — слѣдовательно и порочный человѣкъ награжденъ щастіемъ въ этой жизни. Но царство правды начинается за предѣлами

сей жизни; человекъ порочный чувствуетъ это — и смотря на смерть видитъ свое опредѣленіе, — видитъ и трепещетъ! Жизнь своими разнообразными удовольствіями — перемѣнами можетъ заглушить въ немъ страхъ наказанія за порочность; но смерть пробуждаетъ совѣсть его, удаляетъ отъ сердца всѣ удовольствія — и сердце трепещетъ! — Сія истинна — что приятное или неприятное ощущеніе при возрѣніи на смерть происходитъ въ насъ отъ добродѣтельной или порочной жизни нашей — сія истинна еще яснѣе бываетъ въ человекѣ добродѣтельномъ. Конечно всякой изъ насъ знаетъ, кто такой есть добродѣтельный, — конечно доставалось видать намъ его, какъ бы порочность наша ни старалась очернить такое существо для облегченія себя. Каковыжъ чувства добродѣтельнаго при возрѣніи на смерть? о! самыя утѣшительныя! — Человекъ и добродѣтельный не можетъ быть во все изыскъ пороковъ; и таже вѣчная Правда, награждающая порочнаго за небольшія добродѣтели щастіемъ въ сей жизни, наказуетъ добродѣтельнаго за малыя здѣсь его

пороки: слѣдовательно на смерть, за которою начинается вѣчная жизнь для него, смотришь онъ какъ на врага опровергающія входъ ему въ райское блаженство. Смерть прекращаетъ только жизнь тѣла и утѣхи чувственныя; но душа — бессмертное существо — уноситъ съ собою отселѣ всѣ свои наслажденія. И поелику чувства приятныя или неприятныя суть дѣйствія души также; то душѣ добродѣтельной и при возрѣнїи на смерть другихъ свойственно выражаться не въ опечаленїи, а въ сладкомъ только унынїи.

Часто обвиняютъ суровость добродѣтели, — которая будто бы отрицаетъ всѣ наслажденія сей жизни, съ которою будто бы не совмѣстно щастїе наше здѣсь. О нѣтъ! она не только совмѣстна со щастїемъ; но еще и украшаетъ его собою: просто ли богатый, знатный, славный человекъ, — или богатый, знатный, славный и вмѣстѣ добродѣтельный предпочтительнѣе въ глазахъ даже обыкновенныхъ людей? — Слѣдовательно можно наслаждаться жизнью — и безъ ужаса смотреть на смерть!

Но я долженъ кончить свое слабое разсужденіе; и оканчиваю въ увѣренности, что не ужасъ и уныніе, а пріязнь возбуждаетъ въ насъ сей оставившій насъ товарищъ - другъ нашъ. Похвалы наши — для него бесполезны, — сѣтованія наши — для насъ; остаются только одни мольбы, чтобы новая жизнь нашего собрата была для него цѣпью непрерывнаго блаженства. — По крайней мѣрѣ, — будутъ ли дѣйствительны для тебя, любезный товарищъ - другъ! наши желанія или нѣтъ, — по крайней мѣрѣ то вѣрно, что ты переселяешься въ страну, куда бури бѣды и страстей не доспигаютъ, гдѣ царствуютъ покой и тишина; по крайней мѣрѣ справедливо то, что для тебя теперь завѣса неизвѣстности будущаго упала и ты можешь быть сожалѣешь о нашей суетности, что мы не безъ слезъ опускаемъ тебя въ землю.

Е. Филолаевитскій.